

Яворский Сергей Анатольевич

Московская областная коллегия адвокатов, филиал № 1, Москва. ORCID: 0009-0009-2734-9708, SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219

Электронный адрес: 491899@mail.ru

Sergey A. Yavorsky

Moscow Regional Collegium of Advocates, branch No. 1, Moscow. ORCID: 0009-0009-2734-9708, SPIN-code: 1205-5526, AuthorID: 1246219

E-mail address: 491899@mail.ru

ГРАНИЦЫ ПРАВОПРЕЕМСТВА В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ В НАУЧНЫХ ТЕОРИЯХ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу дискуссионных вопросов квалификации завещательного отказа (легата) в контексте дуализма универсального и сингулярного правопреемства. Цель работы – критическая оценка существующих научных подходов и формирование целостной концепции правовой природы легата. Исследование базируется на методологическом инструментарии догматического, системного и казуального анализа. Результатом является аргументированный вывод о сингулярно-обязательственном характере легата, что обуславливает авторские предложения по четкому законодательному разграничению данных конструкций и закреплению производного характера прав легатария от исполнения обязанности наследником. Практическая значимость заключается в преодолении правовой неопределенности для последующей унификации доктрины. Область применения – цивилистическая наука и образовательный процесс. Вывод: легат представляет собой сложный правовой феномен, который требует адекватного концептуального отражения в системе гражданско-правовых категорий.

Ключевые слова: завещательный отказ, легат, универсальное правопреемство, сингулярное правопреемство, исполнение завещания, защита прав наследников.

Для цитирования: Яворский С.А. Границы правопреемства в наследственном праве: анализ противоречий в научных теориях // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2026. № 1. С. 137–147. DOI: 10.18137/RNUV9276.26.01.P.137

BOUNDARIES OF SUCCESSION IN INHERITANCE LAW: ANALYSIS OF CONTRADICTIONS IN SCIENTIFIC THEORIES

Abstract. The article undertakes a comprehensive analysis of the contentious issues surrounding the legal qualification of a testamentary legacy (legatum) through the prism of the dualism between universal and singular succession. The aim of the work is to critically evaluate the existing scientific approaches and to form a comprehensive concept of the legal nature of legacies. The study is based on the methodological tools of dogmatic, systematic, and causal analysis. The result is a reasoned conclusion about the singularly obligatory nature of legacies, which leads to the author's proposals for a clear legislative distinction between these constructions and the establishment of the derivative nature of the legatee's rights from the performance of the heir's obligations. The practical significance lies in overcoming legal uncertainty for the subsequent unification of doctrine. The area of application is civil law science and the educational process. The legacy constitutes a complex legal construct that requires its nuanced conceptual integration into the systematic framework of civil law categories.

Keywords: bequest, legacy, universal succession, singular succession, execution of a will, protection of heirs' rights.

For citation: Yavorsky S.A. (2026) Boundaries of succession in inheritance law: Analysis of contradictions in scientific theories. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 1. Pp. 137–147. DOI: 10.18137/RNUV9276.26.01.P.137 (In Russian).

Введение

Наследственное право, регулируя переход материальных ценностей и долгов согласно последней воле лица, представляет собой сложный юридический механизм. Центральным дискуссионным элементом этой системы выступает *завещательный отказ (легат)*. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, он продолжает порождать в доктрине и практике вопросы, лишенные однозначных решений. Если наследник, принявший на себя долговые обязательства наследодателя, уклоняется от исполнения легата, каким образом защитить права отказополучателя? Принципиальная проблема заключается в квалификации легата: представляет ли он собой форму правопреемства или особое обязательство, возникающее из воли завещателя.

Правовая природа легата в научной полемике

В доктрине сформировались два основных подхода к правовой природе легата. В.И. Серебровский квалифицирует его как универсальное правопреемство [1, с. 13], что коррелирует с позицией К.П. Победоносцева о переходе всех прав и обязанностей наследодателя [2, с. 197]. В.И. Синайский, акцентируя частноправовые аспекты наследования [3, с. 546], тем не менее не давал однозначной оценки универсальности правопреемства при легате.

Советская доктрина подчеркивала имущественное правопреемство и право собственности [4, с. 5]. В доктрине сформировалось два основных методологических подхода к пониманию природы легата: теория универсального правопреемства и теория сингулярного правопреемства. Прежде чем обратиться к критическому анализу и современным интерпретациям,

представляется необходимым детально раскрыть аргументацию каждого из этих классических направлений.

Второй подход, поддерживаемый М.Ю. Барщевским, А.И. Барышевым, Н.Г. Вавиным, П.С. Никитюком, В.И. Синайским и Г.Ф. Шершеневичем, относит легат к сингулярному правопреемству.

Дискуссионный характер носит позиция кандидата наук Е.А. Низамовой, рассматривающей легат как «распоряжения, не связанные с вопросами наследственного правопреемства» [5, с. 186]. Несмотря на определённые основания в ст. 1137 ГК РФ, данный подход, акцентируя обязательственную природу легата, недооценивает его системную включённость в наследственно-правовой массив, где возникновение права легатария детерминировано фактом открытия наследства и принятия его наследником.

Отрицание наследственно-правовой природы легата противоречит его функциональной связи с наследственным имуществом. Как верно отмечается в современной литературе, «завещательный отказ является частью наследственного права, а не автономным институтом» [6, с. 6]. Таким образом, хотя легат не является универсальным правопреемством, он остается производным от наследования способом распределения наследственной массы, что исключает его изъятие из сферы наследственного права.

Современные исследователи развивают аргументацию, подчеркивая, что наследник исполняет завещательный отказ «в пределах стоимости наследства» [7, с. 25]. Кандидат наук О.Л. Алтенгова представляет легат как трансформационную двухслойную модель: легатарий, получая предмет легата, «освобождается от принципа универсальности правопреемства» [8, с. 99] и, следовательно, от обязательств перед кредиторами завещателя. *Однако данная конструкция вызывает возражения в доктрине.*

Границы правопреемства в наследственном праве:
анализ противоречий в научных теориях

В доктрине обосновывается позиция, согласно которой легат «не создает вещного обременения, так как он не следует за имуществом» [6, с. 6]. Утверждение О.Л. Алтенговой о «невыгодном положении» наследников, обремененных обязанностями, представляется спорным. Наследники принимают наследство добровольно, сохраняя право отказаться от него по ст. 1157 ГК РФ в случае непропорциональности долгов наследственному имуществу (п. 2 ст. 1138 ГК РФ). Кроме того, наследник вправе оспорить легат при нарушении своих прав, в частности при ущемлении обязательной доли по ст. 1149 ГК РФ, что также лишает легатария права на получение объекта. Таким образом, правоприменительная практика подтверждает сбалансированность конструкции завещательного отказа в аспекте его неисполнения из-за недостаточности наследственной массы.

*Ограничение ответственности наследника
по легату*

Коллизия справедливости распределения имущества зависит от квалификации легата – как самостоятельного обязательства или части наследственной массы. Сложилось два подхода к её разрешению. **Первый**, традиционный, предполагает исполнение отказа наследником в пределах стоимости полученного имущества без ответственности сверх этого предела. **Второй подход** ориентирован на освобождение наследства от долговых обременений, поскольку иное противоречило бы ст. 1137 ГК РФ и обесценивало бы смысл легата. Оба подхода, однако, не в полной мере учитывают фундаментальное значение диспозитивного начала, заложенного в ст. 1157 ГК РФ: правовая природа легата как обременения наследства не отменяет волевой характер его принятия наследником, который, реализуя свою автономию,

сознательно принимает на себя связанные с наследством риски и обязанности, включая обязательства перед отказополучателями.

Наиболее взвешенной представляется позиция доктора наук Ю.Н. Денисовой, которая на основе дореволюционной практики заключила: «легат имел своим предметом определённое имущество, т. е. сингулярность, а назначение наследника, как правило, означало универсальность преемства» [9, с. 45]. Таким образом, легат представляет собой сингулярное правопреемство в рамках универсального.

Третья точка зрения предполагает, что тип правопреемства следует определять не для всей наследственной массы, а для отдельных вещей, указанных в завещании [10, с. 18; 11, с. 64; 12, с. 225], что придает легату двойственную природу. Теория расщепления наследства, известная с XIX века [13, с. 8] и применяемая в англо-американском праве, подразумевает деление на благоприобретенное и родовое имущество.

Кандидат наук О.В. Шведкова отмечает, что сингулярное правопреемство подрывает концепцию универсальности, поскольку «безусловную универсальность наследственных правоотношений подрывает также правовая природа завещательного отказа» [14, с. 70]. При этом автор признаёт, что элементы универсальности могут присутствовать и при сингулярном преемстве.

Позицию О.В. Шведковой поддерживает доктор наук Е.А. Ходырева, указывая, что легат создает между наследником и легатарием обязательственные отношения (ст. 1137 ГК РФ). По ее мнению, легатарий «становится сингулярным преемником умершего при условии, что вещь или имущественное право входили в состав наследства» [15, с. 103]. Данный вывод коррелирует с нормами ГК РФ: отказополучатель приобретает лишь конкретное

имущественное право, но освобождается от обязательств наследодателя, не становясь универсальным правопреемником.

По нашему мнению, приверженцы теории двойственной природы легата игнорируют системное значение ст. 1175 ГК РФ, императивно закрепляющей круговую ответственность наследников по долгам наследодателя при исключении из него отказополучателей. Данная норма не просто распределяет обязанности, но и проводит качественное разграничение правовых статусов: наследник как универсальный правопреемник предполагает всю полноту прав и обязанностей, тогда как легатарий приобретает лишь отдельное имущественное право, свободное от долговых обременений.

Так, при наследовании квартиры с ипотекой обязанность погашения долга возлагается исключительно на наследника, даже если эта же квартира является предметом легата. Следовательно, двойственность правовой природы легата представляет собой доктринальную конструкцию, не находящую подтверждения в действующем правовом регулировании, где приоритетное значение имеет четкое разграничение между универсальным правопреемством наследников и сингулярным характером прав легатария.

Для устранения правовых пробелов требуется:

- прямое указание на невозможность создания легатом универсального правопреемства;
- закрепление производного характера прав отказополучателя;
- установление стандартов защиты при недостаточности наследственного имущества;
- публикация развернутых разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам долгов наследодателей и прав отказополучателей.

В развитие указанных направлений центральным элементом реформы видится установление императивного минимума обеспечения прав легатария. Такой подход, основанный на доктринальных разработках и сравнительно-правовом анализе, позволяет найти баланс между интересами кредиторов и отказополучателей через введение количественно определенных гарантий.

В литературе предлагается конкретный механизм совершенствования законодательства – введение «законодательной гарантии для отказополучателей, предусматривающей право на проживание или регулярные выплаты в размере не менее 25 % стоимости наследственной массы» [7, с. 28], что соответствует нашему тезису о необходимости усиления защиты прав легатариев. Данная гарантия должна быть интегрирована в систему комплексных изменений наследственного законодательства.

Четвертая точка зрения, представленная кандидатом наук Н.А. Ивановой, отрицает правопреемство при легате вообще. По ее мнению, трансформационная модель О.Л. Алтенговой свидетельствует, что легат представляет имущественное, а не наследственное право, поскольку на легатария не возлагаются обязанности, и «отсутствуют основания для признания данных отношений правопреемством» [16, с. 17].

Законодателю необходимо устранить коллизию в квалификации легата для исключения споров об ответственности отказополучателей по долгам наследодателей. Универсальное правопреемство теоретически позволило бы легатарию рассчитаться с кредиторами в пределах перешедшего имущества. Однако это положение спорно, поскольку такое использование имущества возможно лишь при невозможности исполнения легата из-за

Границы правопреемства в наследственном праве:
анализ противоречий в научных теориях

недостаточности наследства, что лишает легатария его права согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ и подтверждает сингулярный характер данного правопреемства. Эта позиция представлена и в статье И.Б. Базулько, где утверждается следующее: если отказополучатель не несет бремя долгов наследодателя, то «данное правопреемство является всё же сингулярным» [17, с. 134]. Пусть логика автора и соответствует положениям действующего законодательства, дискуссия о влиянии долговой нагрузки на исполнение легата способна углубить научное понимание института, не нарушая принципов сингулярного преемства.

Ключевой вопрос квалификации легата заключается в определении: может ли умерший рассматриваться как условный субъект сингулярного преемства, или правопреемство возникает исключительно между живыми лицами. Разрешение этой коллизии определяет системное понимание наследственного права, включая исполнение завещания и банкротство наследственной массы, что делает анализ правосубъектности теоретико-правовой основой дискуссии.

*Правовой статус умершего
в наследственных отношениях*

Ряд учёных отрицают саму возможность отнесения легата к наследственному правопреемству. Доктора наук А.П. Сергеев и Ю.К. Толстой указывают: «покойники не могут быть субъектами правоотношений» [18, с. 510]. Эту позицию поддерживает и кандидат наук Н.В. Корнилова, считая, что «именно после смерти наследодателя возникает наследственное правоотношение» [19, с. 123]. Согласно позиции Н.В. Корниловой, правосубъектность трактуется как свойство, необходимое для участия в правоотношениях, утрачиваемое

с момента смерти. Такая формулировка искусственно разделяет понятия наследственных прав и правосубъектности, хотя источником первых является именно правосубъектность лица. Наследственные же права возникают из правоотношения, субъектом которого наследодатель уже быть не может. Такой подход, однако, не отрицает того, что сама правосубъектность как предпосылка правообладания может иметь «посмертные» эффекты в виде перехода прав к правопреемникам, что особенно ярко проявляется в институтах наследования и посмертного банкротства.

Доктор наук С.С. Алексеев акцентировал роль правосубъектности как фундаментального элемента, определяющего структуру правовых механизмов для решения сложных вопросов и адаптации к современным вызовам. Он подчеркивал, что правосубъектность служит критерием разграничения участников оборота и объектов прав, позволяя «вывести юридические знания на уровень, соответствующий требованиям современной эпохи» [20, с. 15]. В итоге правосубъектные лица, обладая юридическим статусом, вступают в гражданские правоотношения, обеспечивая устойчивость правового регулирования.

Правосубъектность не тождественна ни субъекту права, ни правоспособности. Она является границей между субъектами и объектами гражданских прав, определяя способность лица участвовать в обороте, где ключевую роль играет его воля. Исторически правосубъектность отождествлялась с правоспособностью, дееспособностью или правовым статусом [21, с. 30]. Доктор наук В.В. Долинская определяет её как «характеристика, свойство субъекта права» [22, с. 76]. К 2015 году цивилисты признали правосубъектность самостоятельной категорией, объединяющей элементы правоспособности и дееспособности [23, с. 75].

В отличие от правоспособности, определяющей статус участника оборота, правосубъектность формируется через правонаделение и зависит от профессиональной, социальной, семейной роли лица, определяя объём его прав и обязанностей. Существует мнение о возникновении правосубъектности с момента зачатия для защиты прав в абсолютном значении, однако оно противоречит ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, закрепляющей права и свободы с момента рождения.

Таким образом, конституционный принцип возникновения прав и свобод с момента рождения не исключает возможности существования иных правовых состояний, связанных с правосубъектностью, до рождения или после смерти. Цивилистическая доктрина, опираясь на системное толкование норм, признает, что правосубъектность как комплексная категория может иметь сложную временную структуру. Её динамика не сводится к классической «правовой жизни» физического лица, а продолжается в процедурах, направленных на реализацию обязанностей, возникших при жизни, но подлежащих исполнению в рамках наследственного правопреемства. Это позволяет рассматривать правосубъектность не как статичный статус, а как юридическую связь, порождающую последствия, выходящие за рамки биологического существования лица. При этом правосубъектность сохраняется в части обязанностей и после смерти лица, что не противоречит положениям Конституции РФ.

Особую актуальность теория пост-мортальной правосубъектности приобретает при анализе legata, где именно специфические правовые статусы наследодателя (автора, супруга, предпринимателя) определяют содержание и исполнимость завещательных распоряжений. Например, правосубъектность супругов как участников наследственных отношений не прекращается с их смертью, отражаясь в завещаниях.

Схожим образом legata, предметом которого являются права на результаты интеллектуальной деятельности, реализуется через продолжающуюся правосубъектность автора, обеспечивающую переход исключительных прав к легатарии. Аналогично сохраняется правосубъектность деятелей науки и искусства благодаря действию авторского права в течение 70 лет после смерти по п. 1 ст. 1281 ГК РФ. Институт банкротства наследственной массы¹ также позволяет посмертно ограничивать права наследодателя, подтверждая, что физическая смерть не прекращает правосубъектность.

*Посмертное банкротство как
подтверждение правосубъектности*

Банкротство наследственной массы возбуждается в отношении правосубъектности умершего, что подтверждается Постановлением Пленума ВС РФ № 45 от 2015 года². Кредиторы вправе привлекать к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, включая супруга, как при

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 17.09.2025).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187354/ (дата обращения: 17.09.2025).

Границы правопреемства в наследственном праве:
анализ противоречий в научных теориях

жизни, так и после смерти¹, предъявляя требования к наследству и наследникам².

Пункт 55 Приказа Минюста РФ от 2017 года³ регулирует банкротство гражданина после смерти, что подтверждается судебной практикой. Так, в деле № А51-15571/2021 Иванов В.А. был посмертно признан банкротом, а его имущество реализовано⁴. Это демонстрирует сохранение правосубъектности после смерти и её значение для наследственных и финансовых обязательств.

В этой связи стоит отметить, что ещё в юридической доктрине XIX века профессор Г.Ф. Шершеневич рассматривал наследственную массу и умершее лицо как единое правосубъектное образование, утверждая, что супруг остается субъектом правоотношений, а несостоятельность есть состояние имущества [24, с. 216]. Однако это уравнивание собственности с правосубъектностью противоречит ст. 128 ГК РФ, где имущество – объект права.

Кроме того, Г.Ф. Шершеневич также предлагал наделить наследство до принятия статусом юридического лица. Эта идея

была подвергнута критике правоведом и социологом Л.И. Петражицким, настаивавшим, что правоспособность не прекращается со смертью, а покойники сохраняют определенные права и обязанности [25, с. 321]. Его взгляд подтверждается современными концепциями, где правопреемство умершего продолжается через наследственную массу.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить системные противоречия в доктринальных подходах к завещательному отказу, подчеркивая его дуалистическую природу как элемента сингулярного преемства, неразрывно связанного с универсальной передачей прав и обязанностей, что приводит к правовой неопределенности при распределении наследственной массы. Научная новизна работы состоит в первом формулировании концепции гибридного легата с обязательной регистрацией как обременения собственности, обеспечивающей приоритет долгов перед отказами.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10, октябрь. С. 43. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/29434/> (дата обращения: 17.09.2025).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)». Ст. 223.1 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 17.09.2025).

³ Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 19.12.2023) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» (вместе с «Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающим объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования», утв. решением Правления ФНП от 28.08.2017 № 10/17, приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156) (Зарегистрировано в Минюсте России 06.09.2017 № 48092). П. 55 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/436764113?ysclid=mkqi110km4476452352> (дата обращения: 17.09.2025).

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.06.2024 № Ф03-2571/2024 по делу № А51-15571/2021 КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=135773&cacheid=1C69A86C7468953F7B55058600E677E1&mode=splus&rnd=xmuka8VyrWLHN9eC1#WnKma8V81lvy30v> (дата обращения: 17.09.2025).

Предлагаемые количественные ограничения (50 % стоимости наследственной массы и 25 % для единственного отказополучателя) выводятся из необходимости сохранения баланса между свободой завещательных распоряжений, защитой интересов обязательных наследников (ст. 1149 ГК РФ) и прав кредиторов, устанавливая доктринально обоснованный коридор для реализации легата.

В целях устранения выявленных пробелов предлагается системная модификация норм Гражданского кодекса РФ, включая введение норм о пропорциональном

ограничении легата до половины массы с гарантией не более четверти для одного бенефициара, механизмы автоматического перераспределения обязательств при отказе наследников, а также разработку специальных процедур для случаев недостаточности наследственной массы. Перспективным направлением дальнейших исследований видится комплексный анализ взаимодействия института легата с процедурой банкротства наследственной массы, что приобретает особую актуальность в современных экономических условиях.

Литература

1. *Серебровский В.И.* Основные понятия советского наследственного права // Советское государство и право. 1946. № 7. С. 11–21.
2. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Права семейственные, наследственные и завещательные. Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1871. 576 с.
3. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Москва : Статут, 2002. 637 с. ISBN 5-8354-0105-1.
4. *Антимонов Б.С., Граве К.А.* Советское наследственное право. Москва : Госюриздат, 1955. 264 с.
5. *Низамова Е.А.* Место завещательного отказа в системе распоряжений наследодателя // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4 (22). С. 182–187. EDN ONCZGJ.
6. *Емелина Л.А., Яворский С.А.* Смешение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9. EDN TSUPHK.
7. *Емелина Л.А., Яворский С.А.* Пропорционально-ограниченный легат: новый подход к балансу интересов кредиторов и отказополучателей // Нотариус. 2025. № 2. С. 23–29. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-2-23-29. EDN ДУННЖКЕ.
8. *Блинкова Е.А., Алтенгова О.Л.* Некоторые проблемы реализации права на получение завещательного отказа // Вестник ВИЭПП. 2023. № 2. С. 97–103. EDN ZSUJDW.
9. *Денисова Ю.Н.* Завещательный отказ и завещательное возложение как особые завещательные распоряжения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 44–50. EDN SYSIFJ.
10. *Никитюк П.С.* Наследственное право и наследственный процесс (Проблемы теории и практики). Кишинев : Штиинца, 1973. 258 с.
11. *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права. Москва : Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
12. *Рубанов А.А.* Наследование в международном частном праве (Отношения СССР с капиталистическими странами). Москва : Наука, 1966. 236 с.
13. *Демченко В.Г.* Универсальность и партикулярность наследования должно рассматривать как следствия различной наследственной принадлежности имущества, а не различного понимания существа наследства разными народами в разные времена: доклад и прения по нему // Первый съезд русских юристов в 1875 г. / Под ред.: С.И. Баршев, Н.В. Калачов, С.А. Муромцев, А.М. Фальковский. Москва : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1882. С. 7–16.

Границы правопреемства в наследственном праве:
анализ противоречий в научных теориях

14. Шведкова О.В. Понятие наследственного правопреемства // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 68–72. EDN PFBHXX.
15. Ходырева Е.А. Предприятие как объект наследственного правопреемства. Москва : Норма, 2010. ISBN 978-5-91768-129-0. EDN QRSWCT.
16. Иванова Н.А., Фаизова К.В. К вопросу о завещательном отказе (легате) // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 14–19. EDN VUNCJA.
17. Базулько И.Б. Завещательный отказ: теория, практика и проблемы применения // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности : Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 30 июня 2023 г. Москва : АЛЕФ, 2023. С. 133–138. EDN KHCPZR.
18. Сергеев А.П., Толстой Ю.К. Гражданское право : учебник. 3-е изд. Москва : Проспект, 1998. 632 с.
19. Корнилова Н.В. Об участниках наследственных правоотношений // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. № 1 (111). С. 123–132. DOI: 10.38161/2618-9526-2023-1-123-132. EDN PMQKVQ.
20. Алексеев С.С. Юридические конструкции – ключевое звено права (в порядке постановки проблемы) // Цивилистические записки : Межвузовский сборник научных трудов. Москва : Статут, 2001. С. 5–20. EDN ZOSRHN.
21. Яковлев В.Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : Сб. статей. Свердловск : Уральский рабочий, 1978. С. 27–44. EDN CEGOFV.
22. Долинская В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 76–83. EDN TVTJOR.
23. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений : учеб. пособие. Свердловск : Полиграфист, 1972. 210 с.
24. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права : В 4 т. Москва : Статут, 2003. 548 с. ISBN 5-8354-0160-4. EDN QVOTNV.
25. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург : Лань, 2000. 606 с. ISBN 5-8114-0224-4.

References

1. Serebrovsky V.I. (1946) Basic concepts of Soviet inheritance law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo* [Soviet State and Law]. No. 7. Pp. 11–21. (In Russian).
2. Pobedonostsev K.P. (1871) *Kurs grazhdanskogo prava. Prava semeistvennyye, nasledstvennyye i zaveshchatel'nyye* [Course of Civil Law. Family, Inheritance and Testamentary Rights]. St. Petersburg : Pechatnya V. Golovina. 576 p. (In Russian).
3. Sinaisky V.I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow : Statut. 637 p. ISBN 5-8354-0105-1. (In Russian).
4. Antimonov B.S., Grave K.A. (1955) *Sovetskoe nasledstvennoe parvo* [Soviet Inheritance Law]. Moscow : Gosyurizdat. 264 p. (In Russian).
5. Nizamova E.A. (2010) The place of testamentary refusal in the system of dispositions of the testator. *Leningrad Law Journal*. No. 4 (22). Pp. 182–187. (In Russian).
6. Emelina L.A., Yavorsky S.A. (2025) Confusion of the inheritance law and testamentary renunciation institutions: Problems of theory and practice. *Inheritance Law*. No. 2. Pp. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9 (In Russian).

7. *Emelina L.A., Yavorsky S.A.* (2025) Proportionally limited legatee: A new approach to balancing creditors' and legatees' interests. *Notary*. No. 2. Pp. 23–29. DOI: 10.18572/1813-1204-2025-2-23-29 (In Russian).
8. *Blinkova E.A., Altengova O.L.* (2023) Some problems of implementing the right to receive a testamentary. *Vestnik VIEPP* [Bulletin of Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law]. No. 2. Pp. 97–103. (In Russian).
9. *Denisova Yu.N.* (2020) Testamentary refusal and testamentary assignment as the special testamentary dispositions. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of the St. Petersburg Law Academy]. No. 3 (48). Pp. 44–50. (In Russian).
10. *Nikityuk P.S.* (1973) *Nasledstvennoe pravo i nasledstvennyi protsess (Problemy teorii i praktiki)* [Inheritance Law and Inheritance Process (Problems of Theory and Practice)]. Kishinev : Shtiintsa. 258 p. (In Russian).
11. *Serebrovsky V.I.* (1953) *Ocherki sovetskogo nasledstvennogo prava* [Essays on Soviet Inheritance Law]. Moscow : USSR Academy of Sciences Publ. 240 p. (In Russian).
12. *Rubanov A.A.* (1966) *Nasledovanie v mezhdunarodnom chastnom prave (Otnosheniya SSSR s kapitalisticheskimi stranami)* [Inheritance in Private International Law (Relations of the USSR with Capitalist Countries)]. Moscow : Nauka. 236 p. (In Russian).
13. *Demchenko V.G.* (1882) Universality and particularity of inheritance should be considered as consequences of the different hereditary affiliation of property, and not of the different understanding of the essence of inheritance by different peoples at different times: Report and debates on it. In: Barshev S.I., Kalachov N.V., Muromtsev S.A., Falkovskii A.M. (Eds) *Pervyi s'ezd russkikh yuristov v 1875 g.* [First Congress of Russian Lawyers in 1875]. Moscow : Tipography of A.I. Mamontov i Ko. Pp. 7–16. (In Russian).
14. *Shvedkova O.V.* (2012) The concept of hereditary succession. *Probely v Rossiiskom Zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation]. No. 5. Pp. 68–72. (In Russian).
15. *Khodyreva E.A.* (2010) *Predpriyatie kak ob'ekt nasledstvennogo pravopreemstva* [The Enterprise as an Object of Hereditary Succession]. Moscow : Norma. ISBN 978-5-91768-129-0. (In Russian).
16. *Ivanova N.A., Faizova K.V.* (2018) On the issue of testamentary refusal (legacy). *Tsivilistika: pravo i process* [Civilistics: Law and Process]. No. 3. Pp. 14–19. (In Russian).
17. *Bazulko I.B.* (2023) Testamentary refusal: Theory, practice and problems of application. In: *Vyzovy sovremennosti i strategii razvitiia obshchestva v usloviakh novoi realnosti* [Challenges of our time and development strategies of society in the new reality] : Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, June 30, 2023. Moscow : Alef. Pp. 133–138. (In Russian).
18. *Sergeev A.P., Tolstoy Yu.K.* (1998) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law] : Textbook. 3rd edition. Moscow : Prospekt. 632 p. (In Russian).
19. *Kornilova N.V.* (2023) On the participants of hereditary legal relations. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law]. No. 1 (111). Pp. 123–132. DOI: 10.38161/2618-9526-2023-1-123-132. (In Russian).
20. *Alekseev S.S.* (2001) Legal constructions – the key link of law (problem statement). In: *Alekseev S.S., Gongalo B.M., Murzin D.V., Stepanov S.A.* (Eds) *Tsivilisticheskie zapiski* [Civilistic Notes] : *Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Moscow : Statute. Pp. 5–20. (In Russian).

Границы правопреемства в наследственном праве:
анализ противоречий в научных теориях

21. *Yakovlev V.F.* (1978) Branch method of regulation and civil legal personality. In: *Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub'ektnosti* [Legal Problems of Civil Legal Personality] : Collection of articles. Sverdlovsk : Uralskii rabochii. Pp. 27–44. (In Russian).
22. *Dolinskaya V.V.* (2015) To the question of the development of the civil circulation participants system. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.* Vol. 15. No. 2. Pp. 76–83. (In Russian).
23. *Yakovlev V.F.* (1972) *Grazhdansko-pravovoi metod regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii* [Civil Law Method of Regulating Social Relations] : Study guide. Sverdlovsk : Poligrafist. 210 p. (In Russian).
24. *Shershenevich G.F.* (2003) *Kurs torgovogo prava* [Course of Commercial Law] : In 4 vols. Moscow : Statute. 548 p. ISBN 5-8354-0160-4 (In Russian).
25. *Petrzhytsky L.I.* (2000) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej nnavstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg : Lan'. 606 p. ISBN 5-8114-0224-4. (In Russian).

Поступила в редакцию: 02.12.2025

Received: 02.12.2025

Поступила после рецензирования: 27.12.2025

Revised: 27.12.2025

Принята к публикации: 12.01.2026

Accepted: 12.01.2026